

Колесовидный.

Челябинск, 1981, 16 мая

ПРАВДА ОЛЬГИ ОСТРОУМОВОЙ

Лауреат Государственной премии СССР Ольга Остроумова хорошо известна советским зрителям по многочисленным фильмам и спектаклям, в которых она играла. Это интервью — своеобразная попытка актрисы раскрыть невидимые грани своего ремесла, рассказать о том этапе творческого процесса, который предшествует появлению образа на сцене или киноэкране.

— ...Сорок минут до начала спектакля. Можно еще немного поговорить, у меня сегодня грим несложный.

Мы сидим вдвоем в тесной гримерной, в окружении трехстворчатых актерских зеркал, и каждое из них отражает совершенно особую, непохожую на свои фотографии Остроумову.

Вот легкомысленный рыжий девчоночий «хвост» на затылке. Одинокая родинка у левого уха. Рядом [немного иной угол отражения] — удивленный распах ресниц. А из этого зеркала уже глядят глаза, жадно ищущие ответа в глазах собеседника, чуть приоткрытые губы, готовые задать новый вопрос. А в следующем вспыхивают две искорки — настольная лампа, отразившаяся в зрачках.

— Корреспонденты обычно спрашивают о мыслях и ощущениях, связанных с успехом, удачей, какими-то достижениями, словно я — спортсменка, которая прыгнула выше всех или подняла самую тяжелую гирию. Никогда не знаю, что им отвечать, — наши ведь «достижения» ни сантиметрами, ни килограммами не измеришь. В искусстве вообще очень сложно с оценками, тем более, когда приходится оценивать свою собственную работу. Тут, мне кажется, возможна только одна оценка: «плохо», можно было лучше — и делать лучше. У актера всегда самая лучшая роль — это та, которую он будет играть завтра.

Вот я рассказываю о «достижениях», а сама в это время думаю о той секунде, когда решалось: достигну или не достигну того, что хочу, а такая секунда всегда бывает. С такой началась вся моя актерская судьба: провалилась в первом же туре на конкурсе в ГИТИС. Что меня заставило пойти на собеседование снова? Вера в себя? Пресловутая мечта о сцене? Стыд перед родителями за то, что вернусь домой ни с чем? Не знаю. Может быть, это был уверенный голос моего сверстника, который вместо того, чтобы утешать меня, как все, — плакала ведь в три ручья! — посоветовал: «А ты еще раз туда зайди, наверняка не zapomни-ли». Не знаю, что меня толкнуло, но я набралась нахальства и вошла туда снова. И прошла! Прошла, понимаете, прошла!

Понимаю: если Ольга Остроумова хочет в чем-то убедить собеседника [читай: зрителя]; значит, она верит в это сама. И тогда — в разговоре ли, на сцене ли — все, что говорится, правда. И веришь ей: потому что сама она верит в то, что играет, а значит, чувст-

вует, что это правда, иначе просто не смогла бы...

— Можно, конечно, заплакать и «по сценарию». Есть актеры, которые что хочешь тебе изобразят. А я так не могу. Мне нужно верить своей героине, потому что я ведь не рассказываю о ней зрителю, я живу за нее. И умираю за нее. И плачу, и смеюсь, и люблю — все за нее, не за написанную — за живую! Значит, я верить ей должна. Тогда появляется то ощущение, когда сам не знаешь, почему и как у тебя это получается, но чувствуешь: то, что ты сейчас говоришь, и есть правда. Не придуманная, не прочитанная, а выстраданная тобой, постигнутая сердцем ли, умом ли, интуицией — не знаю! Но чувствую, что другого быть не может, только так должна сказать и сделать моя героиня, только так и никак иначе. Помните эту сказку о королевстве, где все зеркала кривые, и только одно показывает правду, но его найти надо, найти! Так ведь и на сцене. Это в кино можно выбрать самый удачный из дублей, а на сцене нельзя ошибаться!

Вот почему Остроумова, блестяще сыграв несколько ролей в кино, все же хранит верность театру.

— Да! Конечно! Оставить театр ради кино для меня немыслимо. Никогда не оставлю, хотя мне во многом и нравится работа в кино. Но сцена... Сцена для меня все-таки главное, даже несмотря на то, что я до сих пор не сыграла в театре ни одной роли, которая удовлетворила бы меня полностью. Всегда остается что-то недосказанное, нераскрытое.

Не знаю почему. Кажется, и пьесы, в которых я играю, хорошие. Кажется, режиссеры — и Александр Дунаев, и Анатолий Эфрос — предоставляют полную свободу поиска, но все равно каждая новая роль оставляет осадок: можно было и лучше. И все время хочется чего-то нового. Не новых «достижений» (она усмехается) — рекордов, как мы с вами выяснили, в искусстве не бывает, а новых ролей, новой работы. Но это у всех так, наверное.

Увы, не у всех. Бывает, поднявшись на первую ступень к своей вершине, приостанавливаются на ней, чтобы пожать плоды своих успехов, и уже задерживаются там надолго. Порой навсегда. Думается, что Ольга Остроумовой это не грозит. Сцена для нее — не ступень к пьедесталу, а путь к тому самому единственному зеркалу, которое, наконец, откроет ей всю правду.

Интервью вел
М. ГАЛЕСНИК.